А.Е. Оксенчук
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
e-mail: oxenchuk.anna@yandex.by

УДК 81'42+811.161.1'42

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МЕТАТРОПА «РАНЕНАЯ ПТИЦА» (в рассказах В. Шаламова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Л. Улицкой)

Ключевые слова: интертекст, метаметафора, ситуативный метатроп, концепт.

В статье на литературном материале показаны основные приёмы декодирования интертекстуальных связей текстов. Эти интертекстуальные связи могут быть выявлены на формальном и на метатропном уровнях.

Интертекстуальный анализ как метод возник на основе эстетико-философской концепции «диалогизма» М.М. Бахтина. Нынешняя острота этой проблемы обусловлена необходимостью осмыслить явления «модернизма» и «постмодернизма», для которых приёмы цитатного мышления, литературной мозаики, игрового дискурса являются важными объяснительными принципами письма. Теория интертекстуальности сегодня получает осмысление в работах различных авторов в России (Б.М. Гаспаров, И.П. Смирнов, Н.А. Фатеева, Н.В. Петрова, В.М. Москвин, В.И. Степанова и другие).

Цель нашей работы – показать приёмы декодирования интертекстуальных связей на литературном материале произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка «Серая Шейка», В. Шаламова «Утка» и Л. Улицкой «Восковая уточка». Основными **методами** исследования являются: метод контекстного анализа с его приёмами внешней и внутренней интерпретации языковых единиц, метод интертекстуального анализа.

В большинстве случаев, согласно исследованиям интертекстуальности, лингвистическими средствами реализации интертекстуальных связей является всё то, что маркировано как связь с другим текстом: цитаты, заглавия, эпиграфы, аллюзии, антономазии, повторы ритмико-синтаксических моделей; синонимика, дериваты, новые трактовки традиционных образов и сюжетов; повторы с противоположным смыслом, стилизация, словесная игра и прочее. Все эти «смысловые следы» в текстах различных авторов свидетельствуют о цикличности и обратимости поэтических единиц внутри художественного языка как целостной системы, обладающей поэтической «памятью». Но в случае метатекстуальной связи происходит заимствование и перекомбинирование не столько языковых операциональных единиц, сколько ситуативных концептуальных инвариантов, декодирование которых и составляет, на наш взгляд, сущность интертекстуального анализа. Под **концептуальным метатропом** принято понимать устойчивую мыслительно–функциональную зависимость, образующую обратимые цепочки «ситуация – образ – слово» и создающую из отдельных мыслительных комплексов целостную картину мира (см. подробнее Н.А. Фатеева [3])

Итак, началом анализа является выявление **маркеров** интертекстуальности на языковом операциональном уровне. В выбранных нами текстах уже в заглавии используется лексема *утка* (*уточка*), сюда же примыкают текст рассказа В. Бианки «Анюткина утка», русской народной сказки «Белая уточка» и даже пьесы Вампилова «Утиная охота».

В названных нами текстах – «Серая Шейка» Д.Н. Мамина-Сибиряка и «Утка» В. Шаламова– образ птицы с перебитым крылом маркирован на лексическом уровне*: «Серой Шейкой они называли свою **калеку** дочь, у которой было **переломлено крыло** ещё весной», «одно **крылышко оказалось сломанным**», «…я **не могу летать**, Лиса мне **крылышко перекусила**, когда я была совсем маленькой», «у меня одно **крылышко попорчено»*** («Серая Шейка»)[1]; *«Обессилевшая утка-нырок шлёпнулась…У неё **не было сил лететь**. Стопудовая **тяжесть крыльев** тянула её к земле…**Утка плавала в полынье**…»* (в рассказе В. Шаламова [4]*); «она выбирала между колечком с зелёным камушком и одной уточкой. **Уточка была немного попорченная, со вмятиной на крыле**»* (Л. Улицкая «Восковая уточка» [2]); *«Анютка запустила в мешок руку и вытащила последнюю утку. Птица неожиданно вырвалась у неё из рук, волоча **разбитое крыло**», «стала кряква **жить в запруде**», **«на левом крыле кряквы была теперь белая тряпочка»*** (В. Бианки «Анюткина утка» [1]).

Эти лексические маркеры неизбежно «потянут» систему образов, которая в свою очередь разворачивается в событийной цепочке. Сопоставление связанных между собой ситуаций показывает, что в каждой из них возникает переплетение реально бывших, или «претекстовых» ситуаций, которые в художественном пространстве каждого из авторов актуализируются через различные признаки общего концептуального метатропа.

Претекстовая ситуация для произведений названных авторов может быть описана в следующем виде: *утка плавает в полынье и не может улететь, потому что ранена, у неё травмированы крылья. Птица держится на воде изо всех сил: ей грозит опасность быть пойманной и съеденной.* В произведе-

Репозиторий ВГУ

нии каждого из авторов эта преситуация разворачивается в ситуативных метатропах, тоже во многом совпадающих. Так, в сказке «Серая Шейка» можно выделить 3 ситуативных метатропа.

Первый – **смена небесного пространства как пространства подлинной жизни - на водное, в котором жизнь ограничена и подвергается опасности.** В произведении «Серая Шейка» этот метатроп маркирован лексемами: *Зато как она* ***плавала,*** *как* ***ныряла****!* ***Вода*** *для неё составляла* ***всё****! Серая Шейка осталась* ***на реке одна*** *и долго* ***провожала*** *глазами улетавший* ***косяк****…* ***Река,*** *на которой осталась Серая Шейка,* ***весело катилась*** *в горах…Река была* ***пуста,*** *и* ***жизнь сохранялась*** *только* ***в лесу****… Заяц был такой же* ***беззащитный****, как и С.Ш.:*

– Если бы мне ***крылья, как птице****, так я бы никого на свете* ***не боялся****. У тебя вот хоть и* ***крыльев нет****, так зато ты* ***плавать умеешь****, а не то возьмёшь и* ***нырнёшь в воду****. А я* ***дрожу от страху****. У меня* ***кругом враги****.*

У В. Шаламова использован этот же ситуативный метатроп: ***Ручей вымерзал*** *с перекатов…****Но ручей был ещё жив, вода*** *в нём ещё* ***дышала*** *- белый пар* ***подымалс****я над полыньями, над проталинами****. Обессилевшая утка-нырок шлёпнулась*** *в воду. Стая давно пролетела на юг, утка* ***осталась****. Утка хотела* ***отдохнуть****, немного* ***отдохнуть****, потом* ***подняться*** *и* ***лететь*** *вслед стае. У неё* ***не было силлететь.*** *Стопудовая* ***тяжесть крыльев гнула*** *её к земле, но* ***на воде*** *она нашла* ***опору, спасенье*** *– вода на полыньях показалась её* ***живой рекой****.* Таким образом, первый ситуативный метатроп включает оппозиции: 1) небо (потеря) – вода (замена);2)утка (защищена в пространстве воды) – земное беззащитное существо. Этот метатроп выражает состояние обречённости, чувство одиночества, утраты функции полёта, т.е. свободы, безопасности, лёгкости. В поэтической традиции это состояние человека выражается метафорой - птица, которая не может летать.

Второй ситуативный метатроп – **сужение круга жизни, приближение смерти, её неизбежность.** *Серая Шейка начала* ***бояться…*** *Серая Шейка* ***была в отчаянье****, потому что не замёрзла только самая середина река, где образовалась широкая* ***полынья.*** *Свободного места, где можно было* ***плавать,*** *становилось не больше* ***пятнадцати сажень****. Да чудно хорошо было кругом, а* ***бедная уточка*** *знала одно: что эта* ***красота не для неё*** *– и* ***трепетала*** *при одной мысли, что её полынья вот-вот замёрзнет и ей некуда будет деваться…Бедная Серая Шейка* ***со страху ныряла*** *в воду, а* ***Лиса сидела*** *и* ***зло посмеивалась. Лиса не могла подобраться*** *к самой воде. Лиса* ***садилась на самом краю****, положив голову на передние лапы…Лиса действительно* ***подползла к самой полынье*** *и улеглась на льду… Заяц* ***видел с берега, что проделывала Лиса****.*

В рассказе В. Шаламова эта ситуация описана так: *Но не успела утка оглядеться, передохнуть, как тонкий её слух уловил* ***звук опасности****…Сверху, со снежной горы бегом* ***спускался человек****. Человек* ***подкрадывался*** *к ней, но оступился. Утке нужно было только* ***подняться вверх****, и, кроме* ***злобных угроз****, ничего бы ей не угрожало,…но утка* ***слишком устала****. Она сумела только* ***нырнуть, исчезла в воде****. И человек****, вооруженный*** *каким-то тяжёлым суком, остановился у полыньи, куда* ***нырнула*** *утка, ждал её возвращения…и человек,* ***ругаясь****, увидел, что утка* ***проплыла подо льдом*** *и вылезла в другую полынью. Но* ***летать она и там не могла****…Человек попробовал обломать, раздавить лёд…он бил палкой по синему льду…Человек обессилел и* ***сел на лёд****…Утка плавала в полынье. Человек* ***ругался*** *и* ***бросал камнями*** *в утку…Утка нырнула и появилась в первой полынье. Так они бегали - человек и утка, пока не стемнело. Человек возвращался в барак* ***с неудачной случайной охоты****…Десятник тоже* ***видел*** *утку,* ***видел*** *охоту мертвеца за умирающей уткой…Прораб в окно* ***тоже видел*** *начало охоты.* Второй ситуативный метатроп выражает оппозицию 1: живой мир – мир смерти; оппозицию 2: охотник – добыча; оппозиция 3: охота – наблюдатель. Этот ситуативный метатроп передаёт эмоцию страха, ужаса, бессилия, обречённости перед смертью в образе **птицы-жертвы, добычи**.

Третий ситуативный метатроп – **спасение от смерти, обретение живительной силы**. В тексте Мамина-Сибиряка: *Старичок* ***добыл*** *Серую Шейку* ***из полыньи и положил за пазуху****…-Я тебя внучкам отнесу. Вот* ***обрадуются****! А весной ты яичек старухе нанесёшь да* ***утяток выведешь****.* Этот же ситуативный метатроп выделяется в тексте В. Бианки и в других литературных текстах, воплощающих идею ответственности человека за слабых существ живой природы (например, *«Скворцу, отнятому у кота, бабушка обрезала сломанное крыло, а на место откушенной ноги ловко пристроила деревяшку и,* ***вылечив птицу****, учила её говорить».* М. Горький «Бабушкин скворец» [1]; *«Так и осталась Белое Зеркальце жить у Анютки в запруде. Поняла, что Анютка****в обиду её не даст****»* (В. Бианки «Анюткина утка»[1]).

В третьем ситуативном метатропе выражена оппозиция: **дикий мир** природы (с его законом «выживает сильнейший») – **человеческий мир**, в котором задана **презумция спасения** раненой птицы. В человеческом мире врачевание обречённого существа символизирует жизненную силу человека перед суровыми законами природы; исцеление обречённого на смерть означает в этом мире победу над самой смертью. Метаметафора спасённой птицы, выражающая эмоцию жалости,

Репозиторий ВГУ

умиления, нежности, радости отсылает к древним представлениям в славянской культуре о птице как человеческой душе умершего предка, возвращающейся для воплощения на землю. Спасение птицы от опасности смерти - акт соединения с душой предка, обретение его живительной силы, воссоединения с ним (у Л. Улицкой: *Решимость и холод вдруг обрушились на Вальку. Она подобралась, как пружина*… «Восковая уточка»). В акте согревания на груди (*за пазухой*) умирающей птицы человек-спаситель исцеляет и самого себя, становясь «донором» жизненной энергии, радости для обречённого на гибель слабого существа, обретая взамен энергию бесконечной жизни. Процесс «реанимации» представлен в поэтической традиции как состояние успокоения (сказка «Белая уточка»), тишины, расслабленности: *Валька хотела попросить уточку… Она* ***спрятала её*** *между ладонями и* ***тихо*** *пошла домой. От холода и решимости ничего не осталось, колотилось сердце и очень хотелось пить. Она шла домой и думала только об одном –* ***куда её спрятать.*** (Л. Улицкая «Восковая уточка» [2]). Спасённая птица с возобновленной для продолжения жизни энергией (*вывела утят, спасла утяточек)* становится частью человеческого мира, в котором привязанность, любовь и ответственность – скрепы повседневного осмысленного бытования.

В рассказе «Утка» В. Шаламова ситуативный метатроп – **спасение от смерти, обретение живительной силы** – отсутствует**.** Спасения не происходит: *Утка* ***осталась умирать*** *в полынье и всё пошло так, как будто утка и не залетала в эти края.* В художественном пространстве этого текста сцена охоты за уткой и наблюдение за охотой является ситуативным метатропом, нарушающим поэтическую традицию. Охотником, неизбежной опасностью для птицы является не дикий зверь, а сам человек. Но и этот человек не приравнен к дикому зверю, цель которого съесть добычу, чтобы возобновить жизненную энергию. Человек в лагерном мире В. Шаламова охотится за ещё живой птицей, чтобы одарить ею другого человека: *Человек ловил утку не затем, чтобы сварить птичье мясо и съесть. Смутно, туманно в его мозгу вставали другие зыбкие планы. Отнести эту* ***утку в подарок*** *десятнику, и тогда десятник* ***вычеркнет человека*** *из зловещего списка… Десятнику не хотелось уезжать из этого посёлка. Он рассчитывал* ***щедрым подарком умилостивить*** *сердце прораба, который мог* ***вычеркнуть*** *десятника из списка – не того работягу, который поймал утку, а его, десятника*. Прораб же решил, что *если утку поймают, прораб* ***отвезёт утку большому начальнику****, вернее его жене. И* ***будущее*** *прораба* ***обеспечено****.* Концептуальный метатроп «раненая птица» в художественном тексте В. Шаламова актуализирует коннотативное значение «невмешательство в собственную судьбу, игнорирование жизни, передача своей живой души». Человеческий мир в рассказе В. Шаламова – это механическая бессильная охота на самого себя прежнего с целью передачи в руки того, кто будет распоряжаться его жизнью, кто определяет его «будущее», кто вместо него «*найдёт правильные решения на неожиданные вопросы, которые может задавать жизнь*». Метаметафора «душа-птица» здесь выражает обречённость на гибель человеческого живого мира, на смену которому предложен мир зомби, мертвецов с обломанными ногтями, с телом, которое не может согреть собственные руки. Мир природы в этом человеческом пространстве лишён своей первозданной красоты и мощи: *и через месяц от летней грозной гремящей воды не оставалось ничего, даже лёд был вытоптан, измельчён, раздавлен копытами, шинами, валенками.* Это расчеловечевание человеческого мира выражено у В. Шаламова ситуативным метатропом – **утка умирает в полынье, человек – в бараке**.

Концепт «душа», реализацией которого в художественных текстах является концептуальный метатроп «раненая птица», актуализируется таким образом через инвариантные признаки: 1) утрата функции полёта, т.е. свободы, безопасности, лёгкости жизни; 2) страх, ужас, бессилие и обречённость перед смертью; 3) спасение птицы от опасности смерти - акт соединения с душой предка, обретение его живительной силы, воссоединения с ним; соответственно неспасение птицы - это состояние расчеловеченного человеческого мира. К ядерному образу концепта «душа», образу раненой птицы, которая будет спасена, в литературе 20 века добавился ещё один инвариант: душа-птица не будет спасена. В мире, лишённом связи с душами предков, человек лишён имени, способности к созданию и хранению красоты, лишён тепла. Он мертвец, механически выполняющий предписания иррационального начала, которое он стремится «задобрить», обменивая свою живую душу на предсказуемость сегодняшнего дня.

Литература

1. Рассказы и сказки русских писателей / Сборник рассказов под ред. Н.И. Трубникова. – Свердловск, 1989. – 448 с.
2. Улицкая, Л.Е. Истории про людей и зверей. /Л.Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2007. – С. 154-156
3. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева.– М.: Ком. Книга, 2007. – 345 с.
4. Шаламов, В.Т. Левый берег: Рассказы. / В.Т. Шаламов. – М.: Современник,1989.– С. 32-35

Репозиторий ВГУ

A. Oksenchuk
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: oxenchuk.anna@yandex.by

Intertextual analysis of contextual metatrop «injured bird»
(in the stories by V. Shalamov, D. Mamin-Sibiriak, L. Ulitskaya)

Key words: intertext, metatrop, contextual metatrop, concept.

The author of the article examines the main decoding devices of text intertextual links on the basis of literature material. These intertextual links can be studied on both formal and metatropic levels.

Л.В. Первушина
Минский государственный лингвистический университет
e-mail: lyubaper@gmail.com

УДК 821.111(73)-3.09(045)

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ В ПОЭЗИИ БЕЛОРУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В США

Ключевые слова: литература белорусской эмиграции, национальное своеобразие, национальный характер, художественность, аксиологическая значимость.

В статье привлекается внимание к чертам национального своеобразия в поэзии послевоенной белорусской эмиграции в США; раскрываются способы художественной репрезентации национального компонента в инонациональной культуре, отмечается аксиологическая значимость творчества белорусских поэтов-эмигрантов.

Литература послевоенной белорусской эмиграции в США является неотделимой частью и важным компонентом художественной словесности мультикультурного американского общества. Она так или иначе соотносится с формированием модели этнической многосоставности, обогащающей американскую литературу художественными образами и специфическим видением действительности. Как относительно самостоятельное явление литература белорусской эмиграции (белорусско-американская литература) заявляет о себе в 1950-е годы, что обусловлено прибытием в Северную Америку ряда литераторов, уже известных на родине, среди которых Ант. Адамович, Н. Арсеньева, А. Березка, Ю. Витьбич, А. Галина, А. Змагар, Я. Золак, М. Кавыль, В. Клишевич, Р. Крушина, А. Сакович, М. Седнёв, В. Седуро, Я. Юхновец, С. Ясень и др. По мнению известного советского писателя Б. Саченко, развитие белорусской эмигрантской литературы происходило не в результате исканий писателей, родившихся и создававших свои произведения в новых условиях, а «благодаря творчеству тех авторов, которые по разным причинам покинули Родину» [5, с. 41].

Творчество писателей послевоенной белорусской эмиграции детерминировано иным, по сравнению с родиной, культурно-историческим контекстом, иными социально-историческими и геополитическими условиями. Что касается эстетического эффекта, то он по-разному оценивался как в метрополии, так и в принимающем писателей-эмигрантов мультикультурном американском обществе. В произведениях эмигрантских авторов фиксируется один из наиболее сложных периодов развития человеческой цивилизации; определяется ностальгическая модель вхождения в американское общество; представлены соответствующие мировоззренческие и эстетические установки. Но так или иначе в написанном белорусскими писателями-эмигрантами сохраняется культурно-историческая память, раскрывается национальное своеобразие и представлена художественная интерпретация белорусского характера.

Поэзия послевоенной белорусской эмиграции представляет особый голос в полифонии мультиэтнической американской литературы. У писателей-эмигрантов из Белоруссии проявляется специфика национальной самоидентификации, которая обусловлена осмыслением новых социальных, культурных и психологических сегментов характера человека, который не утрачивает национального самосознания. Именно национальное самосознание становится той основой, которая объединяет многочисленные произведения разных авторов в дискурсивную область, определяющуюся как «литература белорусской эмиграции». Поэтическое наследие Н. Арсеньевой, А. Березки, Я. Золака, М. Кавыля, Р. Крушины, М. Седнёва, Я. Юхновца, С. Ясеня и др. становится источником информации о культуре белорусского народа, раскрывает особенности его мировосприятия и воспроизводит общие черты белорусской национальной идентичности. Исследование внутреннего мира эмигранта осуществляется на основе бинарных оппозиций «свой»-«чужой», «Родина»-«чужбина», «дом»-«изгнание», «родная страна»-«эмиграция», что подчеркивает мировоззренческие установки данных авторов, а также свиде-

Репозиторий ВГУ